

КНИГИ ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ,

опубликованные Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

ДОМ ДУХОВ

ЛЮБОВЬ И ТЬМА

ЕВА ЛУНА

ИСТОРИИ ЕВЫ ЛУНЫ

ДОЧЬ ФОРТУНЫ

ЗОРРО

ИНЕС ДУШИ МОЕЙ

ОСТРОВ В ГЛУБИНАХ МОРЯ

ИГРА В «ПОТРОШИТЕЛЯ»

ЯПОНСКИЙ ЛЮБОВНИК

ПО ТУ СТОРОНУ ЗИМЫ

У КРОМКИ МОРЯ

УЗКИЙ ЛЕПЕСТОК

ВИОЛЕТА

Исабель Альенде
ДОЧЬ
ФОРТУНЫ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.134.2
ББК 84(7Чил)-44
А 56

Isabel Allende
HIJA DE LA FORTUNA
Copyright © Isabel Allende, 1999
All rights reserved

Перевод с испанского Кирилла Корконосенко

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-24261-6

© К. С. Корконосенко, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

Оглавление

Часть первая (1843–1848)

Вальпараисо	11
Англичане	31
Барышни	54
Дурная репутация	70
Претенденты	84
Мисс Роза	99
Любовь	115

Часть вторая (1848–1849)

Известие	135
Отъезд	157
Четвертый Сын	172
Тао Цянь	191
Плавание	222
Аргонавты	247
Тайна	274

Часть третья (1850–1853)

Эльдорадо	297
Коммерция	318
Порченые голубки	333
Время разочарований	349
Sing-song girls	373
Хоакин	394
Необыкновенная пара	408

Вальпараисо

Каждый человек рождается с каким-нибудь талантом, и Элиза Соммерс рано осознала, что у нее их целых два: хорошее обоняние и хорошая память. Первый талант помогал ей зарабатывать на жизнь, а второй — запоминать эту жизнь, если не с точностью до мелочей, то по крайней мере с поэтической туманностью астролога. То, что забывается, словно и не существовало, но у Элизы было много воспоминаний, и реальных и мнимых, так что она как будто проживала две жизни. Элиза любила повторять своему верному другу, мудрому Тао Цяню, что память ее похожа на трюм корабля, в котором они познакомились: она объемна и темна, забита ящиками, бочками и тюками, где накапливаются события всей ее жизни. Наяву Элизе было непросто отыскать что-то в этом великом беспорядке, но она всегда могла разобраться с этим во сне, как научила ее няня Фресия в сладкие ночи ее детства, когда контуры реальности были лишь тонкими линиями, прочерченными бледной тушью. Элиза вступала в обитель снов по хоженной-перехоженной дорожке и возвращалась с большими предосторожностями, чтобы яркий свет реальности не поломал нежные видения. Элиза доверяла этому источнику, как иные верят в числа; она настолько отточила искусство вспоминания, что могла увидеть лицо мисс Розы, склонившейся над коробкой из-под марсельского мыла, которая была ее первой колыбелькой.

— Элиза, ты не можешь этого помнить. Новорожденные — они как котята, у них нет ни чувств, ни памяти, — возражала мисс Роза в тех редких случаях, когда они поднимали эту тему.

И все-таки эта склонившаяся над ней женщина в платье цвета топаза и с трепещущими на ветру прядями волос запечатлелась в памяти Элизы, и никакого иного объяснения для этого образа она допустить не могла.

— В тебе, как и в нас, течет английская кровь, — сообщила мисс Роза, когда девочка достигла сознательного возраста. — Только члену британской общины могло прийти в голову положить тебя в корзинку у дверей Британской компании по импорту и экспорту. Этот человек наверняка знал о добром сердце моего братца Джереми и не сомневался, что он тебя заберет. В те времена мне очень хотелось завести ребеночка, и сам Господь вложил тебя в мои руки, дабы ты воспитывалась на прочной основе протестантской веры и английского языка.

— Ты — и англичанка? Даже и не мечтай, девочка, у тебя такие же индейские волосы, как и у меня, — бурчала няня Фресия за спиной у хозяйки.

В доме происхождение Элизы было запретной темой, и девочка свыклась с этой тайной. Этот вопрос, как и другие деликатные темы, никогда не обсуждался в присутствии Розы и Джереми Соммерс, зато о нем шепотком судачили на кухне у няни Фресии, которая строго придерживалась версии с коробкой из-под мыла, между тем как история мисс Розы с годами обрастала все более красочными деталями, пока не превратилась в волшебную сказку. По словам мисс Розы, корзинка, найденная у дверей конторы, была изготовлена из самых тонких ивовых прутьев и проложена батистом, рубашечка на Элизе была вышита крестиком, простыни имели каемку из брюссельского кружева, а сверху еще лежало норковое одеяльце — такого изыска в Чили никогда не видели. Со временем к набору добавились шесть золотых монет, завернутые

в шелковый платочек, и записка по-английски, в которой объяснялось, что девочка хотя и незаконнорожденная, но происходит из очень благородного семейства; однако ничего из этого Элизе так и не показали. Меха, монеты и записка преспокойно растворились в воздухе, и от ее происхождения не осталось и следа. И все-таки объяснение няни Фресии больше соответствовало ее воспоминаниям: однажды утром в конце лета они открыли дверь и обнаружили на пороге коробку, а в ней — голого младенца женского пола.

— Никаких там норковых одеялец и золотых монет. Я там была. Я помню. Ты дрожала, завернутая в мужской жилет, даже пеленку тебе не подложили, так что была ты вся обосранная. Соплячка, вся красная, как вареный рак, с пушком каштановых волос на макушке — вот чем ты была. Так что не обманывай себя, в принцессы ты не годишься, а если бы волосы у тебя тогда были такие же черные, как сейчас, хозяйева вышвырнули бы ту коробку прямо на помойку. — Вот как рассказывала няня Фресия.

Все, по крайней мере, сходились в одном: девочка появилась в их жизни 15 марта 1832 года, через полтора года после переезда Соммерсов в Чили, поэтому было решено считать 15 марта ее днем рождения. Все прочее оставалось клубком противоречий, и Элиза в конце концов решила, что не стоит возвращаться к этой истории, потому что, какова бы ни была правда, изменить что-либо уже не представлялось возможным. Важно то, что человек делает в этом мире, а не как он в него попадает, — так она говорила Тао Цяню на протяжении многих лет их замечательной дружбы, но тот не соглашался: для него было невозможно представить собственное существование без длинной цепочки предков, не только определивших его физический и духовный облик, но и сформировавших его карму. Тао Цянь верил, что его судьба уже предначертана поступками предков, — вот почему он чувствовал своим долгом почитать их в ежедневных молит-

вах и бояться, когда они появлялись в призрачных одеждах и заявляли о своих правах. Тао Цянь мог назвать имена всех своих родственников вплоть до самых отдаленных и высокочтимых, умерших больше века назад. В те золотые времена он беспокоился лишь о том, чтобы вернуться в Китай и быть похороненным среди своих; в противном случае его душа будет обречена на вечные скитания по чужим краям. Элизу, конечно же, влекла история с чудесной корзиной — никто в здравом уме не согласится явиться на свет в коробке из-под мыла, — но любовь к истине мешала ей принять эту версию. Она прекрасно запомнила первые запахи своей жизни — а нюх у нее был как у собаки-ищейки: там пахло не чистой батистовой простыней, а шерстью, мужским потом и табаком. А потом появилось мерзкое козье зловоние.

Элиза росла, глядя на Тихий океан с балкона особняка своих приемных родителей. Дом, уцепившийся за склон холма в порту Вальпараисо, стремился подражать стилю, модному в тогдашнем Лондоне, однако требования чилийского рельефа, климата и жизненного уклада внесли в проект существенные изменения, так что результат получился очень причудливый. Во внутреннем дворе множились и разрастались, как опухоль, строения без окон и с тюремными дверями: там Джереми Соммерс держал самые ценные товары компании, которым в портовых складах грозило неминуемое расхищение.

— Это страна мошенников, нигде в мире компания не тратит столько на обеспечение сохранности товара. Здесь растаскивают все, а то, что остается после воришек, зимой тонет, летом сгорает, а при землетрясении рассыпается, — ворчал Джереми всякий раз, когда мулы доставляли новые тюки для разгрузки во дворе его дома.

От долгого сидения на балконе, от подсчета кораблей и китов на горизонте Элиза пришла к убеждению, что и она сама — дочь кораблекрушения, а не бесчеловечной матери, спокойно оставившей ее, голенькую, на произ-

вол судьбы в один прекрасный мартовский день. В своем дневнике девочка описала, как некий рыбак нашел ее на песке среди обломков кораблекрушения, завернул в свой жилет и оставил возле самого большого дома в английском квартале. С годами Элиза пришла к выводу, что этот рассказ не так уж и плох: в том, что отдает море, есть и поэзия, и загадка. Если океан вдруг отступит, обнажившийся песок будет как влажная пустыня, усеянная агонизирующими русалками и рыбами, — так говорил Джон Соммерс, брат Джереми и Розы, избородивший все моря; он живо описывал, как в мертвой тишине вода отступает, чтобы вернуться обратно одной гигантской волной, которая все потащит за собой. Ужасная картина, соглашался Джон, но, по крайней мере, еще есть шанс бежать на холмы, а вот при землетрясениях церковные колокола возвещают об уже случившейся катастрофе, когда все вокруг обращено в руины.

Когда в доме появилась девочка, Джереми Соммерсу было тридцать лет и он делал блестящую карьеру в Британской компании по импорту и экспорту. В торговых и банковских кругах Соммерс пользовался репутацией человека чести: его слово и рукопожатие были равносильны подписанному контракту, а это было ценнейшее качество при ведении дел в эпоху, когда требовались месяцы, чтобы дождаться товарных аккредитивов из-за океана. Джереми не имел состояния, поэтому доброе имя было для него важнее жизни. Ему пришлось пожертвовать многим, чтобы добиться надежного места в далеком порту Вальпараисо, так что последнее, о чем он мечтал в своей упорядоченной жизни, — это новорожденная малютка, перевернувшая привычный ход вещей, но Элиза уже оказалась в доме, и Джереми не мог ее не приютить: когда он увидел сестру, по-матерински прижимающую девочку к себе, сердце его дрогнуло.

Розе в ту пору было только двадцать, но она уже была женщина с прошлым, и ее шансы найти себе достойную

партию стремились к нулю; с другой стороны, оценивая свое положение, она понимала, что даже при наиболее удачном для нее стечении обстоятельств брак был для нее неудачным решением; рядом со своим братом Роза пользовалась такой независимостью, какой она никогда бы не получила при муже. Роза сумела устроить свою жизнь и не боялась клейма безбрачия, — наоборот, она решила жить на зависть замужним дамам, не обращая внимания на новомодную теорию, согласно которой у женщин, пренебрегающих стезей замужества и материнства, вырастают усы (как у всех суфражисток); но у Розы не было детей, и это была ее единственная печаль, которую она не могла превратить в триумф, как бы усердно ни напрягала воображение. Временами Розе снился сон: стены ее комнаты залиты кровью, под ней набухший от крови ковер, а она, безумная, голая и растрепанная, производит на свет саламандру. Роза просыпалась от собственного крика и целый день ходила как в тумане, не в силах отделаться от кошмара. Джереми тревожило нервное состояние сестры, он чувствовал себя виноватым из-за того, что Розе пришлось уехать за ним так далеко от Англии, но он не мог не испытывать эгоистичной радости от того, как все сложилось. Поскольку идея женитьбы никогда не приходила ему в голову, присутствие Розы решало все домашние и социальные проблемы, а дом и общество — это были два столпа его карьеры. Сестра дополняла его замкнутую одинокую натуру, поэтому Джереми спокойно переносил перемены в ее настроении и избыточные расходы. Когда появилась Элиза и Роза пожелала ее оставить, Джереми не осмелился возражать и спорить по мелочам: он, хотя и выступал за то, чтобы удерживать девочку на расстоянии от семьи, галантно проиграл все битвы, начиная с первой, когда обсуждалось имя.

— Ее будут звать Элиза, как звали нашу матушку, и она унаследует нашу фамилию, — решила Роза, как

только покормила и помыла малютку, да еще и завернула в свою мантилью.

— Роза, ни в коем случае! Только представь, что скажут люди!

— Это я беру на себя. Люди скажут, что ты святой, Джереми, приютил бедную сиротку. Нет ничего хуже, чем расти без семьи. Что бы стало со мной без такого брата? — ответила Роза, прекрасно зная, какой ужас вызывает у Джереми малейшее проявление сентиментальности.

Сплетен было не избежать, но и с этим Джереми Соммерсу пришлось смириться: ведь он уже согласился, чтобы девочку назвали в честь его матери и поселили в комнате его сестры, отчего весь дом наполнился суматохой. Роза повсюду излагала невероятную историю о прекрасной корзинке, оставленной неизвестным у дверей Британской компании по импорту и экспорту, и никто ей не верил, но и обвинить ее в предосудительном поведении никто тоже не мог, ведь каждое воскресенье все видели, как Роза поет в хоре англиканских прихожан, и ее стройная талия бросала вызов законам анатомии, а посему малютку считали плодом связи Джереми с какой-то уличной девкой — вот отчего она воспитывалась как член семьи. Джереми не утруждал себя попытками развеять гнусные сплетни. Его пугала непредсказуемость детского поведения, но Элиза сумела завоевать его сердце. Хотя Джереми этого и не признавал, ему нравилось смотреть на девочку, играющую у его ног, когда вечерами он усаживался в кресло-качалку читать газету. Мужчина и девочка никак не выражали взаимную привязанность: Джереми нервировало простое рукопожатие, а мысль о более близком контакте вызывала панику.

Когда в тот день, 15 марта, в доме Соммерсов появилась новорожденная, няня Фресия, совмещавшая обязанности кухарки и экономки, заявила, что от девочки нужно отделаться.

— Если уж собственная мать ее бросила, так это потому, что она проклята, и лучше бы к ней вообще не прилагаться, — предупредила она, но ничего не смогла поделывать с решимостью своей хозяйки.

Как только мисс Роза взяла малютку на руки, та принялась орать во всю глотку, сотрясая дом и терзая нервы его обитателей. Не в силах унять крикунью, мисс Роза устроила для нее колыбельку в ящике своего комода, укрыла одеялом и бросилась на поиски кормилицы. Вскоре она вернулась вместе с нанятой на рынке женщиной, но хозяйке не пришлось в голову проверить свою находку: как только она увидела налитые груди под рубашкой, сделка была заключена. Кормилица оказалась туповатой крестьянкой, она пришла в дом со своим ребятенком на руках, таким же чумазым, как и она сама. Мальчика пришлось долго отмачивать в горячей воде, чтобы избавиться от грязи, налипшей к его задку, а мать окунули в лохань со щелочью, чтобы вывести вшей. Оба ребенка — Элиза и сын кормилицы — страдали от колик из-за желтушного поноса, перед которым оказались бессильны и семейный доктор, и немецкий аптекарь. Сломленная детским плачем, в котором слышался не только голод, но еще боль и печаль, мисс Роза тоже рыдала. Наконец на третий день в дело неохотно вмешалась няня Фресия.

— Да как вы не видите: у женщины этой гнилые соски! Купите козу, пусть она девочку кормит, а еще давайте ей отвар из корицы, а не то она у вас помрет, не дождавшись и пятницы, — выговаривала няня Фресия.

В ту пору мисс Роза почти не знала испанского, но слово «коза» она разобрала и отправила кучера на рынок, а кормилицу выгнала. Как только животное доставили, индианка поднесла девочку прямо к набрякшему вымени (мисс Розе оставалось только ужасаться грубости местных нравов), и теплое молоко вкупе с отваром корицы вскоре выправили ситуацию; девочка перестала

верещать, проспала семь часов подряд, а проснувшись, принялась яростно чмокать губами. Через несколько дней она уже имела благостный вид здорового младенца, и было очевидно, что она набирает вес. Мисс Роза приобрела бутылку с соской, заметив, что, когда коза гуляет по двору, Элиза начинает принюхиваться в поисках вымени. Она не желала, чтобы девочка принимала козу за свою мать. Желудочные колики — вот самая серьезная хворь, приключившаяся с Элизой во младенчестве, все остальные болезни пресекались на корню, как только заявляли о себе, при помощи травок и заговоров няни Фресии, включая безжалостную африканскую корь, завезенную в Вальпараисо каким-то греческим матросом. Пока в городе свирепствовала эпидемия, няня Фресия по вечерам клала Элизе на пупок кусок сырого мяса и крепко-накрепко перевязывала красным шерстяным платком — это была самая действенная защита от заразы.

В последующие годы мисс Роза превратила Элизу в свою игрушку. Она часами увлеченно обучала ее петь и танцевать, читала стихи, которые девочка без труда заучивала наизусть, заплетала волосы в косы и наряжала как на праздник, но, едва появлялось занятие поинтересней или начинала доносить головная боль, мисс Роза отсылала девочку на кухню к няне Фресии. Элиза росла между комнатой для рукоделия и задними дворами, говоря по-английски в одной части дома, а в другой — на смеси испанского и мапуче (родном языке ее няни), временами одетая и обутая как герцогиня, а в другие дни играющая с курами и собаками, босоногая и едва прикрытая куцым передником. Мисс Роза хвасталась девочкой на своих музыкальных вечерах, возила в карете пить шоколад в лучшую кондитерскую, брала с собой за покупками и посмотреть на корабли в порту, но с равным успехом могла провести несколько дней в уединенной задумчивости, что-то записывая в своей таинственной тетради или читая роман, совершенно забыв о своей

воспитаннице. А когда вспоминала, ее охватывало раскаяние, и мисс Роза бросалась на поиски, покрывала девочку поцелуями, пичкала лакомствами, заново обряжала в кукольные наряды и выводила на прогулку. Мисс Роза решила дать девочке самое достойное (насколько это было возможно в Вальпараисо) образование, включавшее в себя изыски, приличествующие знатным дамам. Однажды, когда Элиза попробовала отвертеться от фортепианного урока, мисс Роза ухватила ее за руку и, не дожидаясь кучера, проволокла по улице через полгорода, до самого женского монастыря под холмом. На стене из грубого кирпича над массивной дубовой дверью с железными заклепками было написано выцветшими от соленого ветра буквами: «Сиротский дом».

— Ты должна быть благодарна, что мы с братом взяли о тебе заботиться. Вот куда попадают подкидыши и внебрачные дети. Ты тоже сюда хочешь?

Онемевшая Элиза замотала головой.

— Значит, тебе придется учиться играть на фортепиано, как делают достойные барышни. Ты меня поняла?

Элиза научилась играть. Она не обладала ни талантом, ни вдохновением, но усердие позволяло девочке в двенадцать лет аккомпанировать мисс Розе на музыкальных вечерах. А спустя несколько лет, даже несмотря на долгий перерыв в занятиях музыкой, она не утратила мастерства и могла заработать себе на жизнь, играя на пианино в передвижном борделе, — мисс Роза, упорно обучавшая ее высокому искусству музыки, даже предположить не могла, во что в конечном счете выльются ее уроки.

Однажды вечером много лет спустя, спокойно попивая китайский чай и беседуя со своим другом Тао Цянем в маленьком садике, который они возделывали вдвоем, Элиза пришла к выводу, что мисс Роза была замечательной матерью и что она благодарна мисс Розе за великое пространство внутренней свободы, которым та наделила

свою приемную дочь. Няня Фресия была вторым столпом детства Элизы. Девочка висла на ее широких черных юбках, сопровождая индианку в домашних делах и сводя с ума нескончаемыми вопросами. Так Элиза узнала индейские мифы и легенды, обучилась читать тайные знаки животных и моря, распознавать духов, видеть послания в снах, а еще — готовить. Чуткий нюх позволял девочке с закрытыми глазами судить о продуктах, травах и специях и запоминать их свойства так же, как она запоминала стихи. Вскоре сложные креольские блюда няни Фресии и изысканные пирожные мисс Розы перестали быть для нее секретом. Элиза обладала редким кулинарным талантом, в семь лет она могла без отвращения снять кожу с коровьего языка и выпотрошить курицу, без малейших признаков усталости замесить тесто на двадцать пирогов, часами лущить фасоль, с раскрытым ртом слушая кровавые индейские предания няни Фресии и ее красочные вариации на тему жития святых.

Роза и ее брат Джон были неразлучны с самого детства. Теперь Роза коротала зиму за вязанием жилетов и носков для капитана, а он по мере возможностей старался привозить ей из каждого путешествия полные сундуки подарков и большие коробки с книгами; некоторые из них сразу же попадали в запертый ящик в шкафу Розы. Джереми, будучи главой семьи и хозяином дома, имел право вскрывать корреспонденцию своей сестры, читать ее личный дневник и пользоваться ключами к любой мебели, однако вовсе не был склонен к таким поступкам. Джереми и Роза относились друг к другу по-семейному и очень серьезно, у них было мало общего, помимо взаимной зависимости, которая по временам напоминала ненависть. Джереми содержал Розу, но не оплачивал ее причуды и при этом не спрашивал, откуда у сестры деньги: предполагалось, что ее капризы финансирует Джон. Роза, в свою очередь, вела хозяйство с мастерством и изяществом, следила за порядком и элегантностью в доме,

всегда могла отчитаться за потраченные деньги, но при этом не докучала брату по мелочам. Роза обладала безошибочно хорошим вкусом и врожденной грацией, она наполняла их существование блеском и одним своим присутствием опровергала распространенное в тех краях мнение, что мужчина без семьи — это потенциальный злодей.

— Мужчина по природе дикарь; удел женщины — хранить нравственные ценности и служить примером поведения, — говаривал Джереми Соммерс.

— Ах, братец, мы оба знаем, что моя природа куда более дикая, чем твоя, — усмехалась Роза.

В 1843 году рыжеволосый жизнелюбец Джейкоб Тодд сошел на берег в Вальпараисо с грузом из трех сотен библий на испанском языке. Он обладал самым красивым голосом проповедника, который когда-либо слышали в этих краях. Никто не был удивлен: прибыл еще один миссионер из тех, что бродят по стране, проповедуя протестантское вероучение. Правда, в его случае путешествие явилось результатом неукротимого любопытства, а не религиозного пыла. Однажды этот искатель приключений, перебрав пива в своем лондонском клубе, хвастливо заявил, что смог бы продать Библию в любом конце света. Приятели завязали ему глаза, раскрутили глобус, и его палец ткнулся в колонию Королевства Испания, затерянную в нижней половине мира, в краю, где никто из этих веселых выпивох даже не предполагал наличия жизни. Вскоре Тодд выяснил, что карта устарела, что колония обрела независимость больше тридцати лет назад и теперь носит гордое имя Республика Чили, что это католическая страна, где протестантизм находится под запретом, однако спор есть спор, и Тодд был не намерен отступать. Он не имел ни жены, ни привязанности к определенному человеку или ремеслу, и идея странного путешествия ему сразу же понравилась. Три месяца в од-

ну сторону, три месяца обратно, плавание по двум океанам — проект был рассчитан на долгий срок. Друзья провожали Тодда восторженным гулом и пророчили ему трагическую кончину от рук папистов в неведомой варварской стране, а финансовую поддержку оказало Британское и иностранное библейское общество, оплатившее и книги, и билет, и вот он уже на корабле, следующим в порт Вальпараисо. Условия пари состояли в том, чтобы продать библии и вернуться не позже чем через год, имея на руках подписанные чеки на все экземпляры. В библиотечных архивах Тодд изучил письма знаменитых мореходов и торговцев, которые побывали в Чили и описывали этот метисный народ численностью чуть более миллиона и диковинную географию страны: высоченные горы, обрывистые берега, плодородные долины, древние леса и вечные льды. Чили пользовалось репутацией государства самого нетерпимого в вопросах религии на всем Американском континенте — в этом путешествии были единодушны. И все-таки благочестивые миссионеры пытались распространять протестантизм: не зная ни слова по-испански и на языках индейцев, они отправлялись на юг — туда, где твердая земля рассыпается бусинками островов. Кто-то умер от голода, от холода или — ходили слухи — был съеден своими же прихожанами. И в городах дела шли не лучше. Священное для чилийцев понятие гостеприимства побеждало религиозную нетерпимость, и чужакам из вежливости разрешали проповедовать, но проповеди их никто не слушал. Чилийцы приходили разве только поглазеть на диковинных пасторов; это было как представление, в котором выступали еретики. Но и эти обстоятельства не поколебали решимости Джейкоба Тодда: он ведь был не миссионер, а продавец библий.

В библиотеке Тодд вычитал, что после обретения независимости в 1810 году Чили открыло двери иммигрантам, которые начали прибывать сотнями, обустриваясь

Альенде И.

А 56 Дочь фортуны : роман / Исабель Альенде ; пер. с исп. К. Корконосенко. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 448 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-24261-6

Прочь из Вальпараисо, прочь от чопорных английских родственников, зажатых в тисках душных обычаев посреди бурлящего чилийского города, юная девушка отправляется вслед за неуловимым, призрачным возлюбленным на север, в Калифорнию, охваченную золотой лихорадкой. По морям неприкаянно мотается китайский врач, грустный вдовец, потерявший свою любовь, а с ней и свой путь. Однажды эти двое встретятся и помогут друг другу — и не только друг другу — отрастить крылья и вновь найти смысл в собственной жизни и в хаотичном кипении Истории, из которого с кровью, болью и головокружительным восторгом вырастает американская и чилийская современность и все, что мы знаем о личной свободе.

Исабель Альенде — суперзвезда латиноамериканской литературы наряду с Габриэлем Гарсиа Маркесом, одна из самых знаменитых женщин Южной Америки, обладательница многочисленных премий; ее книги переведены на десятки языков, а суммарные тиражи неуклонно приближаются к ста миллионам экземпляров. Мгновенно ставший бестселлером роман Альенде «Дочь фортуны», предыстория ее первого, оглушительно прогремевшего романа «Дом духов», — сага о пересечении и преодолении границ: географических, ментальных, расовых, классовых и вообще любых. Здесь человек постепенно обретает свободу — сначала пугающую, затем необходимую как воздух — и становится собой.

Впервые на русском!

УДК 821.134.2
ББК 84(7Чил)-44

ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ

ДОЧЬ ФОРТУНЫ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Ирина Ляйтгиб-Бурнаева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ирина Киселева, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.07.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 27,44. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ –
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИППК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-33224-01-R